

ПРОПОВЕДЬ

Настоятель
Донской церкви
священник
Александр Краля

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13). Именно сегодня приходят на ум эти хорошо знакомые нам слова Христа-Спасителя, когда мы вспоминаем и чувствуем тех, которые действительно жертвовали самым дорогим для человека, — своей жизнью — ради жизни и счастья людей. Все меньше и меньше остается людей, которые своими глазами видели все ужасы войны и тяготы которой вынесли на своих плечах.

Наш народ вышел из той кровопролитной войны победителем. Но Великая Победа далась ценой невероятных потерь и страданий. Был остановлен и уничтожен враг, который пытался поработить не только новые земли, но который нес и угрозу духовного порабощения. И Русская Православная Церковь, в лице тогдашнего ее главы митрополита Сергия (Страгородского), с первых же минут открыто призвала к борьбе с фашизмом. Уладыки Сергия, испытавшего все ужасы большевистской тоталитарной системы, стремившейся уничтожить Церковь как таковую, не было ни тени сомнения, чтобы поступить иначе.

Современное поколение знает о войне лишь понаслышке. Оно не видело даже ее страшных, разрушительных последствий. И, как это ни прискорбно, умалется подвиг, совершенный нашими дедами и прадедами в не такие уж далекие годы, хотя мы и дальше продолжим считать себя победителями. Но при этом даже не осознаем того, что война продолжается и сейчас. И проигрываем

(Продолжение на 2 стр.)

Художник В. Маторин. Святой благоверный великий Московский князь Дмитрий Донской

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

НОВОСТИ
БЛАГОЧИНИЯ **СТР. 3**

**АРХИПАСТЫРСКИЙ
ВИЗИТ**

К ДНЯМ СЛАВЯНСКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ **СТР. 4**

**ИСТОК
СЛАВЯНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ**

ВОЙНА
ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ **СТР. 9**

**БЛАЖЕННЫ
ЧИСТЫЕ СЕРДЦЕМ**

(Окончание. Начало на стр.1)

мы одну битву за другую. Не прекращается война, ставшая своей целью духовное разложение и уничтожение народа, стремящаяся к тому, чтобы превратить русский православный народ в «Иванов непомнящих», без вековых корней и культуры.

Мы забываем о том, что наши предки воодушевлялись примерами святых князей Александра Невского и Дмитрия Донского, Дмитрия Пожарского и Козьмы Минина, адмирала Федора Ушакова и многих других военачальников и простых воинов, которые с оружием в руках защищали русскую землю «от конечного расхищения и православную веру в ней от истребления». Если внимательно всмотреться в родную историю, то мы увидим, что для народа страшен враг был не тот, который старался поработить физически, а тот, который стремился к духовному порабощению, насаждению чуждой веры, к потере народом своей национальной и культурной самобытности. Вот именно поэтому мы видим среди многочисленного сонма православных святых большое количество воинов, которые в своей земной жизни не совершали какого-то особенного выдающегося подвига, а просто самоотверженно, жертвенно защищали родную землю, православную веру и культуру своих отцов.

К сожалению, приходится констатировать, что современный человек оторван от культуры своих предков. Он забывает свои корни и свою историю и уподобляется кораблю, который носится по морю, не зная своей пристани. Причиной этому — не только десятилетия усиленной атеистической

пропаганды, но и обилие в современной России различных псевдорелигиозных групп, деструктивных и тоталитарных сект, которые стремятся к тому, чтобы русский человек предал забвению свои корни, свою историю и своих близких. Они обещают человеку материальное благополучие, земное счастье, земной рай, но на самом деле духовно поработят личность, несут духовную смерть не только каждому, кто является adeptом их учений, но и — без преувеличения — всему государству в целом. Возникает разобщенность, раздробленность общества. В итоге те ценности, которыми жили предки, обесцениваются и отвергаются, а построить дом на песке, как известно, невозможно.

Нередко приходится слышать философствования по поводу того, что лучше бы мы были завоеваны и жили бы так же, как живут другие современные народы. Но люди подобных убеждений забывают, что у каждого народа свой путь исторического развития. Тот, кто сходит со своего пути и сдается на милость победителя, просто-напросто растворяется в массе того народа, который его завоевал. Не случайно поэтому сербский народ, по мысли святителя Николая Велимировича, решил лучше умереть «за крест честный и свободу злату», нежели перейти на службу турецкому султану. Хотя сербы и потеряли сокрушительное поражение на Косовом поле, но сохранили свою культурную самобытность и свою веру. Будучи на протяжении многих столетий во внешней неволе, духовно они были свободны.

И хотя христианство по своей сути наднационально, ибо «во Христе нет ни

элина, ни иудея, ни варвара, ни скифа, но все и во всем Христос» (Кол. 3, 11), — современному человеку необходимо задуматься о том, кто он, откуда пришел и куда идет, сделать ценности своих предков своими ценностями, не забывая о том, сколько крови и слез было пролито за них.

Каждый раз, когда молодые мать или отец переживают бессонные ночи, все трудности и сложности воспитания младенца, они утешают себя тем, что через какое-то время их труды и заботы окупятся сторицей и они увидят любимого малыша, бегущего им навстречу с радостным криком: «Мама! Папа!», — что еще через какое-то время они будут свидетелями его первых успехов, достижений в реализации того опыта, который они ему передали. И вот так, утешая себя, они готовы и дальше переносить бессонные ночи, тяжелые болезни и прочие трудности. Точно так же и наши близкие, люди военного поколения, живя в невероятно сложных обстоятельствах, думали о том и утешали себя тем, что трудности и горести, перенесенные ими, станут залогом счастья их детей и внуков.

В этот праздничный день давайте еще раз задумаемся над тем, исполнилось ли в нас их желание, не были ли напрасны их страдания? Постараемся сохранить духовную свободу, дарованную нам Богом и оберегаемую нашими предками, что давалось им порой очень дорогой ценой.

«Итак, стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергаетесь опять игу рабства» (Гал. 5, 1).

Аминь

НАШИ НЕБЕСНЫЕ ЗАСТУПНИКИ

ПОКРОВИТЕЛЬ РУССКОГО ВОИНСТВА

6 мая совершается празднование памяти святого великомученика Георгия Победоносца.

Святой великомученик издревле особо почитался русским народом. Изображение одного из явленных им чудес — поражение хищного змея, жившего в озере близ Ливанских гор — стало символом русского воинства и изображается на гербе Москвы.

Святой Георгий родился в III веке после Рождества Христова в христианской семье. Когда он нес военную службу в римском воинстве, он прославился храбростью и отвагой и был выдвинут в старшие военачальники.

Император Диоклетиан, вошедший в историю как ярый гонитель христианства, не щадил никого. Святой Георгий и перед лицом гонителя проявил свою отвагу, он раздал свое имущество нищим и явился к императору, открыто называя себя христианином. Пройдя через жестокие пытки, Георгий твердо стоял на своем, а благодать Божия сохраняла его невредимым во всех страданиях. Императору так и не удалось склонить отважного воина к язычеству, и святой Георгий подвергся казни через усекование мечом.

Святой Георгий Победоносец покровитель русского воинства и армии, ему молятся о покровительстве трона и государства, о спасении и сохранении России, о покровительстве пастухов, об избавлении от скорби, о возвращении потерянных детей.

ПАСХАЛЬНЫЕ ТОРЖЕСТВА В ДОНСКОЙ ЦЕРКВИ

Прихожане Донской церкви с воодушевлением готовились встретить Светлое Христово воскресение. Для нашего храма этот праздник особый: он предваряет 110-летие с момента основания церкви.

Подготовка к Пасхе шла на протяжении нескольких недель, убиралась территория, приводилось в порядок внутреннее убранство храма Святой Живоначальной Троицы. В светлый праздник Пасхи Христовой прошли две Божественные Литургии — ночная и поздняя. В полночь с 7 на 8 апреля при огромном стечении жителей микрорайона Перловка и людей, приехавших из других мест, был совершен крестный ход и пасхальное богослужение.

В тот же день 8 апреля священник Герман Григорьев, клирик

Донской церкви, посетил воинскую часть № 41427 и поздравил офицеров и солдат срочной службы с праздником Пасхи. В дар военнослужащим были переданы пасхальные куличи, крашеные яйца, сласти, собранные прихожанами.

11 апреля настоятель Донской церкви священник Александр Краля поздравил солдат и офицеров воинской части №41101 со светлым праздником

и передал им пасхальные угощения от прихожан.

14 апреля в актовом зале Православного культурно-просветительского центра при Донской церкви состоялся детский праздник, посвященный Светлому Христову Воскресению. В концерте приняли участие как дети школьного возраста, так и самые маленькие прихожане Донской церкви. И юные артисты, и маленькие зрители получили из рук отца настоятеля сладкие подарки.

Еще один пасхальный праздник для детей прошел 15 апреля. В концерте принял участие детский коллектив «Скерцино», выступление которого всегда проходит с успехом. В дни Светлой седмицы каждый прихожанин и каждый клирик Донской церкви стремились к тому, чтобы разделить с ближними и умножить на всех пасхальную радость.

НОВОСТИ БЛАГОЧИННИЯ

АРХИПАСТЫРСКИЙ ВИЗИТ В МЫТИЩИНСКОЕ БЛАГОЧИННИЕ

В неделю вторую по Святой Пасхе, которая именуется еще Фоминой неделей, или Антипасхой, в храм Владимирской иконы Божией Матери города Мытищи для совершения праздничного богослужения прибыл Архиепископ Можайский Григорий. Долгожданного гостя встречали цветами и хлебом-солью, которые от имени православных сограждан вручил Владыке исполняющий обязанности главы Мытищинского района Виктор Сергеевич Азаров. Праздничное богослужение совершалось в присутствии большого числа священнослужителей Мытищинского благочиния и других благочиний Московской епархии, а также сотен прихожан, пришедших разделить Пасхальную радость.

Отдельные священнослужители, усердно совершающие свое пастырское служение, удостоены различных Митрополичьих и Патриарших наград. Клирик Донской церкви священник Алексей Горшков и клирик Троицкой церкви села Троицкое священник Александр Ларионов награждены набедренниками. Настоятель Троицкой церкви села Болтино священник Иоанн Осипов и настоятель Христорождественской церкви села Осташково священник Виталий Кулешов награждены камилавками. Настоятель Успенской церкви деревни Витенево священник Артемий Гранкин, настоятель Донской церкви города Мытищи священник Александр Краля и клирик Преображенского храма города Люберцы священник Вячеслав Ходос награждены наперсными крестами. Благочинный церквей Мытищинского района, настоятель Владимирского храма священник Димитрий Оловянников и настоятель

Богоявленской церкви деревни Бородино священник Владислав Дергачев возведены в сан протоиерея.

«Христос Воскресе!» — это Пасхальное приветствие звучало и в храме, и во время праздничного крестного хода. Яркое солнце, прозрачный воздух, чистый звон колоколов, красные облачения священнослужителей — все это создавало незабываемую картину Пасхального торжества.

«Воистину Воскресе!» — дружным хором отвечали ликующие голоса.

Обращаясь к настоятелю Владимирского храма и благочинному церковью Мытищинского округа протоиерею Димитрию Оловянникову, к исполняющему обязанности главы Мытищинского района Виктору Сергеевичу Азарову, а также ко всем братьям-сопастырям и прихожанам, Владыка Григорий поздравил всех с продолжающимся праздником Святой Пасхи и сказал:

«В Мытищинском районе при многолетнем управлении районом Александра Ефимовича Мурашова мы очень-очень продвинулись в церковном отношении: построено множество храмов и в городе, и в районе, строятся новые, закладываются будущие храмы. И сейчас мы приветствуем исполняющего обязанности главы района Виктора Сергеевича Азарова, который сегодня всю службу с нами молился

— это очень важно и трогательно для нас».

Затем архиепископ Можайский Григорий вручил протоиерею Димитрию Оловянникову и исполняющему обязанности главы района Виктору Сергеевичу Азарову искусно украшенные и расписанные пасхальные яйца, которые символизируют торжество жизни над смертью. Он поздравил с праздником гостей, священнослужителей из разных благочиний и пожелал всем присутствующим доброго здоровья и успехов во всем.

«Главное, — подчеркнул Владыка Григорий, — чтобы мир царил во всем: в наших сердцах, в наших семьях, в обществе нашем, и чтобы никто никогда не смог ни изнутри, ни извне нарушить этот благословенный мир. Храни вас всех Господь. С праздником вас всех. Христос Воскресе!»

Отец Димитрий Оловянников в своем приветственном слове отметил: «Многие из нас, христиан современности не были свидетелями воскресения Христова, не были свидетелями явления воскресшего Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа. Но многие из здесь стоящих помнят, как храм, в котором мы молимся, — древний храм — стоял в руинах, он не был похож на храм. И за короткий промежуток времени этот храм возродился, стал таким благолепным, как мы его сейчас видим. И на земле Мытищинской десятки храмов воскресли, воскресла церковь Христова. И мы являемся не только свидетелями, но и участниками этого церковного воскресения. Не лукавя мы можем сказать, что мы счастливые люди, потому что мы живем в эпоху духовного возрождения, когда на территории даже небольшого по сравнению с Московской областью района возрождаются и строятся десятки храмов. И это воскресение Церкви Христовой есть символ воскресения Христа».

Марина Журбенко

ИСТОК СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Значение письма в истории развития цивилизации трудно переоценить. В языке, как в зеркале, отражен весь мир, вся наша жизнь. И читая написанные или напечатанные тексты, мы как бы садимся в машину времени и можем перенестись и в недавние времена, и в далекое прошлое.

Возможности письма не ограничены ни временем, ни расстоянием. Но искусством письма люди владели не всегда. Это искусство развивалось долго, на протяжении многих столетий.

В начале появилось картинное письмо (пиктография): какое-нибудь событие изображали в виде рисунка, затем стали изображать уже не событие, а отдельные предметы, сначала соблюдая сходство с изображаемым, а затем в виде условных знаков (идеография, иероглифы), и, наконец, научились изображать не предметы, а передавать знаками их названия (звуковое письмо). Первоначально в звуковом письме употреблялись только согласные звуки, а гласные или вообще не воспринимались, или обозначались дополнительными значками (слоговое письмо). Слоговое письмо было в употреблении у многих семитских народов, в том числе и у финикийцев.

Греки создали свой алфавит на основе финикийского письма, но значительно усовершенствовали его, введя особые знаки для гласных звуков. Греческое письмо легло в основу латинской азбуки, а в IX веке было создано славянское письмо путем использования букв греческого алфавита.

Великое дело создания славянской азбуки совершили братья Константин (при крещении принявший имя Кирилл) и Мефодий. Главная заслуга в этом деле принадлежит Кириллу. Мефодий был верным его помощником. Составляя славянскую азбуку, Кирилл смог уловить в звучании знакомого ему с детства славянского языка (а это был, вероятно, один из диалектов древнеболгарского языка) основные звуки этого языка и найти для каждого из них буквенные обозначения. Читая по-старославянски, мы произносим слова так, как они написаны. В старославянском языке мы не встретим такого расхождения между звучанием слов и их произношением,

как, например в английском или французском.

Славянский книжный язык (старославянский) получил распространение в качестве общего языка для многих славянских народов. Им пользовались южные славяне (болгары, сербы, хорваты), западные славяне (чехи, словаки), восточные славяне (украинцы, белорусы, русские).

ПРО АЗБУКУ И АЛФАВИТ

Знаете ли вы, как возникла русская письменность? Если не знаете, то мы можем вам рассказать. Но ответьте сначала

на такой вопрос: чем отличается азбука от алфавита? Слово «азбука» произошло от названий двух первых букв славянской азбуки: А (аз) и Б (буки):

АЗБУКА: АЗ + БУКИ

а слово «алфавит» происходит из названия двух первых букв греческого алфавита:

АЛФАВИТ: АЛЬФА + ВИТА

Алфавит гораздо старше азбуки. В IX веке азбуки не было, и славяне не имели собственных букв.

От нашего главного свидетеля первоначальной истории Руси — «Повести временных лет» — мы узнаем, что однажды славянские князья Ростислав, Святополк и Коцел отправили к византийскому

царю Михаилу послов с такими словами: «Земля наша крещена, но нет у нас учителя, который бы наставил и поучил нас, и объяснил святыя книги. Ведь не знаем мы ни греческого языка, ни латинского; одни учат нас так, а другие иначе, от этого не знаем мы ни начертания букв, ни их значения. И пошлите нам учителей, которые бы могли нам рассказать о книжных словах и о смысле их».

Тогда вызвал к себе царь Михаил двух ученых братьев — Константина и Мефодия и «угovorил их царь, и послал их в славянскую землю к Ростиславу, Святополку и Коцелу. Когда же братья эти пришли, начали они составлять славянскую азбуку и перевели Апостол и Евангелие». Было это в 863 году. Отсюда и ведет свое начало славянская письменность.

Однако нашлись такие люди, которые стали хулить славянские книги и говорили, что «ни одному народу не следует иметь свою азбуку, кроме евреев, греков и латинян, как в надписи Пилата, который на кресте Господнем написал только на этих языках».

Чтобы защитить славянские письмена, братья Константин и Мефодий отправились в Рим. Римский епископ осудил тех, кто ропщет на славянские книги, сказав так: «Да исполнится слово Писания: «Пусть восхвалят Бога все народы!» То есть, пусть каждый народ молится Богу на своем родном языке». Так он утвердил богослужение на славянском языке.

В житии Константина-Кирилла создание им славянской азбуки описывается как великое чудо и откровение Божие. И в самом деле, как для современников святого Кирилла, так и для нас, потомков, создание славянской письменности является чудом. Константин не ограничился созданием алфавита со всеми знаками, необходимыми для произношения славянских слов, но сразу начал переводить самые разнообразные по форме литературные произведения и, прежде всего, молитвы и отрывки из Библии.

Кроме Священного Писания, Константин, а потом и Мефодий перевели богослужебные книги, в которых должны отобразиться особенности произнесения текста нараспев или его пения. Греческий литературный язык имел к этому времени более чем

тысячелетнюю традицию. И создать такой инструмент славянской письменности, который бы передавал все литературные тонкости греческих оригиналов, словарное богатство, разнообразие стилей, — это воистину задача не для одного человека и не на одно столетие. А «Повесть временных лет» свидетельствует: «Мефодий же посадил двух попов, хороших скорописцев, и перевел все книги полностью с греческого на славянский в шесть месяцев, начав в марте, а закончив 26 октября».

КАКУЮ АЗБУКУ СОЗДАЛ КИРИЛЛ?

И вот тут кроется еще одна загадка. Рукописи 10 и 11 веков написаны двумя разными азбуками. Одни написаны кириллицей, другие — глаголицей. Но какая из этих двух азбук древнее? То есть, каким письмом были написаны несохранившиеся рукописи кирилло-мефодиевских времен?

Целый ряд фактов указывает на то, что более древней азбукой следует считать глаголицу. Древнейшие памятники (в том числе «Киевские листки») написаны именно глаголицей, причем написаны более архаическим языком, близким по фонетическому составу языку южных славян. На большую древность глаголицы указывают и палимпсесты (рукописи на пергамене, в которых старый текст соскоблен и по нему написан новый). На всех сохранившихся палимпсестах соскоблена глаголица и новый текст написан на кириллице. Нет ни одного палимпсеста, в котором была бы соскоблена кириллица и по ней написана глаголица.

Есть и другие факты, свидетельствующие о большей древности глаголицы, но перечислять их слишком долго. Итак, в современной славистике уже никто не сомневается в том, что ученые мужи Константин Философ (после принятия крещения Кирилл) и его брат Мефодий «переложили» звуки славянского языка на пергамент с помощью той азбуки, которую сегодня принято называть глаголицей. Позднее (по-видимому, на соборе в Преславе, в столице болгарского царя Симеона в 893) появилась кириллица, которая со временем вытеснила глаголицу во всех славянских странах, за исключением Северной Далмации (адриатическое побережье), где хорваты-католики продолжали писать глаголицей вплоть до конца прошлого столетия.

В кириллице буквы имеют более простую и ясную для нас форму. Какая азбука была изобретена Константином, мы не знаем, но именно кириллица явилась основой нашего русского алфавита. Да и само слово «азбука», как мы уже знаем, произошло по названию первых двух букв кириллицы: Аз и Буки.

УРОКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Только XX век попытался разделить нашу историю, культуру, традиции на православные и государственные. А если мы с вами посмотрим на историю, то увидим, что во все времена они были неразрывно связаны.

Примеры? Давайте посмотрим. Куликовская битва, 21 сентября — День празднования Рождества Пресвятой Богородицы. Великая Отечественная война, 22 июня 1941 года — война началась в день памяти всех русских святых.

Официально Великая Отечественная закончилась 9 мая, но мы знаем, что Берлин был взят уже 6 мая. Это был воскресный день, Святая Пасха и день памяти святого великомученика Георгия Победоносца.

И если мы с вами взглянем на историю, на традиции, то очень много увидим не случайностей, а закономерностей в нашей жизни с точки зрения православной веры.

Чем дальше во времени отстоит от нас дата окончания Великой Отечественной войны, тем более глубоким, умудренным осмыслением произошедшего, должен быть наш взгляд на события той эпохи.

Что же все-таки случилось? Почему этот апокалиптический ужас воплотился, стал кошмарной явью? Неужели эта небывалая война была неизбежна, необратима? Какие силы привели в движение маховики этого чудовищного злодейства? Человеческих ли рук вообще это дело?

Казалось бы, на эту тему написаны горы исследований, изданы

сотни томов мемуарной литературы, все расставлено по полочкам и разъяснено. Агрессивные планы гитлеровской Германии пересеклись и вошли в конфликт с геополитическими интересами возглавляемого Сталиным Советского Союза. А ведь война — это не только «продолжение политики», но и следствие, результат политики, проводимой государством. Отвечает ли эта политика задачам, возложенным на народ Творцом Вседержителем? И если нет, то

наказание за отступление от Бога будет неотвратимым! Существуют духовные причины, всегда стоящие за развязыванием войн и конфликтов. Однако Человеколюбец Бог попускает свершиться очередному подготовленному людьми кровопролитию не столько ради их наказания, сколько для последующего раздумия.

Не только вера, но и тысячелетний опыт истории показывают людям, что таков Богом

предначертанный путь бытия и развития человечества. Один из авторитетнейших священнослужителей нашей церкви архимандрит Кирилл (Павлов) дает такую оценку событиям тех лет:

«Вы знаете, что, как и прочие беды человечества, Отечественная война была нам попущена Богом за грехи наши. Как спасительное наказание, как средство, крайний метод воздействия на нас, чтобы остановить нас в беззаконном, пагубном пути. Мы были в авангарде богопротивного, атеистического государственного устройства. За отход от веры, глумления над святынями,

за многие наши преступления перед Богом было попущено нам это бедствие. Для того, чтобы остановить нас от полного падения во тьму, греховную пропасть вечной гибели.

Заплатив многими жертвами, народ наш одолел врага. Еще в начале войны стало ясно, что без Божией помощи нет никакой даже надежды, возможности противостоять настолько подготовленному врагу. Тут, как обычно и бывает, при скорбях и вспоминают про Бога, Отца нашего Небесного. Что невозможно людям возможно Богу... Господь попускает беды, как малые, так и большие, чтобы остановить, вразумить нас, спасти от вечной гибели, по великой Своей милости. Никто нас так не любит, как Он».

Несколько десятилетий победители фашизма, а затем и их потомки, «опираясь на единственно верное марксистско-ленинское учение», были не в состоянии уяснить эти простые истины, на протяжении девяти столетий очевидные для созидателей и хранителей

нашего государства. Однако ныне, по милости Божией, уже стало возможно, в том числе с помощью данных материалистической науки, убедить в них людей.

Другим, не менее важным уроком Великой Отечественной войны, который наконец-то, хотя бы спустя шестьдесят с лишним лет, обязаны уяснить «потомки православных» есть то, что одолеть врага и победить его без помощи Божией народ сам не мог. Это ясно доказывает сам ход событий 1941 года. Лишь обратившись в последний момент к помощи Небесных Сил, удалось в последний момент остановить победоносного врага на ближних подступах к столицам.

«Да не хвалятся неразумные в безумии своем, говоря: «Мы своим оружием избавили Русскую землю». Не ангел, не человек, спас нас, но Сам Господь спас нас по молитвам Пречистой и всех святых», — считали на Руси в дни победы на Угре над Большой ордой хана Ахмата. «Не нам, не нам, а Имени

Твоему!» — воздавали должное Христу Спасителю русские в 1812 году. Так и мы должны проникнуться неколебимой верой, что Победа, одержанная на православную Пасху 1945 года, в день Великомученика и Победоносца Георгия, покровителя воинства русского, есть факт Божественной к нам милости, по молитвам праведников и заступничеству Богородицы.

Тернистым путем привел Господь свой народ, растерявший свои духовные дары и материальные плоды победы на историческое пепелище 1991 года. Потому-то столь же важным для нас является и третий урок Великой Отечественной войны — если мы не осознаем всей глубины нашего падения, в том числе не пересмотрим взгляда на Великую Отечественную войну и причины Победы, не принесем истинных плодов покаяния, не сделаем необходимых выводов, то будем и дальше терпеть крах во всех сферах нашей жизни.

По материалам православных сайтов

ПОМОЩЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И СВЯТОЕ ЗАСТУПНИЧЕСТВО

10 марта 1941 года митрополит Сергей (Страгородский Иван Николаевич) отметил сорокалетие своего пребывания в архиерейском сане. В 1943 году 26 августа ст/ст собором русских иерархов он был избран Патриархом Московским и всея Руси. 30 августа ст/ст 1943 года состоялась его интронизация в Московском кафедральном Богоявленском соборе.

Как свидетельствует келейник патриаршего местоблюстителя митрополита Сергея (Страгородского) архимандрит Иоанн (Разумов): «В день Богоявления 13 января 1943 года митрополит Сергей возглавил крестный ход на Иордань. Это были дни решающих боев за Сталинград, и Владыка особенно горячо молился о победе русского воинства. Нежданная болезнь заставила его лечь в постель. В ночь на 2 февраля 1943 года Владыка, пересилив свой недуг, попросил келейника помочь ему подняться с постели. Встав, он с трудом положил три поклона, воссылая благодарение Богу. Когда келейник помог ему снова лечь в постель, митрополит Сергей сказал: «Господь воинств, сильный в брани, низложил восстающих против нас. Да благословит Господь людей своих миром!» Утром радио переда-

ло весть о разгроме немецких войск под Сталинградом».

Во время Великой Отечественной войны под руководством патриарха Сергея все православное русское духовенство активно помогало обороне страны, призывая к борьбе против захватчиков и к самоотверженному труду в тылу. Духовенство под его руководством укрепляло патриотический дух русского народа, поддерживало его моральное состояние и оказывало значительную материальную помощь фронту.

В годы лихолетья на деньги прихожан Русской Православной Церкви (подвергавшейся в те годы гонениям)

были сформированы танковая колонна им. Дмитрия Донского, авиаэскадрилья им. Александра Невского.

Все тяготы войны разделяло с народом духовенство. Митрополит Ленинградский Алексей (Симанский) — будущий патриарх — перенес в блокадном городе все 900 дней осады. Поразителен подвиг архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), который наряду с пастырским служением был фронтовым хирургом, руководил объединением военных госпиталей. Пройдя застенки ГУЛАГа, получив затем Сталинскую премию за вклад в дело фронтовой медицины, он в 90-е годы был причислен к лику святых.

Церковь благословила Отечественную войну русского народа, и благословение это было утверждено на Небе. От Престола Всевышнего и возгорелся дух России!.. Сколько старших офицеров, не говоря уже о солдатах, молились перед боем! Многие командиры, да и сам маршал Жуков говорили перед боем: «С Богом!» Один офицер, сидевший на связи с летчиками во время боевых вылетов, рассказывал, что часто слышал в наушниках, как пилоты горящих самолетов кричали: «Господи! Прими с миром дух мой!..»

О БОЖИЕЙ ПОМОЩИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ВЕРНОСТИ

Для Веры Александровны Назарочкиной Великая Отечественная война стала поистине кровным делом. Всю войну Вера Александровна сдавала кровь для раненых. Никто не считал, скольким солдатам она вернула жизнь, но редкое звание «Почетный донор СССР» говорит о многом.

Пенсионного возраста Вера Александровна достигла более четверти века назад. Но и сегодня она живо интересуется всем, что происходит в мире. Ее увлечениями по-прежнему, как в молодости, остаются геология, география, история, литература. Вот ее воспоминания о Великой Отечественной войне и размышления о роли православия в Великой Победе советского народа над фашистской Германией.

Перед войной я занималась на курсах связистов при кафедре военного дела. Такие курсы проходили все студенты тогда. Большинство девушек учились на медсестер, а нас, связистов было всего 60 со всего университета. Когда началась война, нас мобилизовали. Кого направили на фронт, кого в войска ПВО. Из тех 60 с фронта вернулась только одна Маруся Иовчик — не считая нас двоих, которые остались в тылу.

В 1941 году я была бойцом ПВО в штабе противовоздушной обороны МГУ. Размещались мы на улице Герцена, в подвале зоологического музея. С конца августа нас перевели на казарменное положение. В подвале здания располагалось бомбоубежище и мы, кстати сказать, в подвале жили. В наши обязанности входило дежурство у телефона, дежурство в бомбоубежище и на крыше здания. Улица Герцена — это рядом с Кремлем, напротив Кремля. Фашисты старались пробиться в Кремль, но там была сильная защита, и поэтому «зажигалки» летели на нас: мы — рядом. Иногда днем самолеты спускались низко и из пулеметов стреляли вдоль улицы в идущих людей. Когда самолет летит и из него сыплются эти «зажигалки» — как будто посевы огромных черных семян. В Москве было очень страшно, я вам скажу. Началась страшная паника, многие фабрики и заводы останавливались. Рабочие растаскивали продукцию и сырье. Если это микояновский комбинат, тащили колбасу, если мукомольный завод — муку.

Позже были организованы рабочие заставы, на которых и останавливали и досматривали всех, кто ехал их города на машинах.

Во время налетов нужно было дежурить на крыше, а бомбили каждую ночь,

и днем, а к сентябрю — и по несколько раз. Нам выдавали пожарные каски и рукавицы. Пожарная каска была не металлическая, а из какого-то негорячего материала, но ведь она же на мужчину рассчитана, и когда я ее надевала, то она накрывала меня до плеч, и я вообще ничего не видела и не слышала в этой каске. И перчатки тоже были большие: фугасные зажигательные бомбы горячие, тяжелые. В первую же бомбежку я эти перчатки вместе с бомбой и уронила. А потом я уж свои какие-нибудь варежки надевала.

Крыша-то покатая, а загородки по краям не было, и бегать по ней страшно: здание-то высокое. Но с нами дежурили мальчишки из ФЗУ (были тогда фабрично-заводские училища). Им лет по 13-14, вот они по этой крыше бегали как по ровной поверхности... Вот им бы надо поставить памятник — сколько они спасли зданий от зажигательных бомб! Прямо голыми руками хватали и обезвреживали. А как можно обезвредить «зажигалку»? На крышах специальные ящики с песком стояли. Или с крыши — на улицу, прямо на асфальт.

А я ни одной «зажигалки» на асфальт не сбросила: я к краю крыши не подходила, у трубы стояла. Уж когда прямо на

меня бомбы летели, я тогда их хватала — раскаленные, тяжелые — и в ящик с песком бросала.

Я днем, если не дежурила, работала в музее лаборанткой и училась на дневном. В октябре фугасная бомба попала в памятник Ломоносову во дворе здания университета на Моховой. Крышу главного здания сорвало. Ажурный стеклянный купол сорвало, стены были частично разрушены. А у нас в зоологическом музее полетели стекла и застекленные витрины — такой силы был взрыв. Экспонаты мы вынесли в подвалы.

К октябрю налеты участились, стала слышна артиллерийская стрельба. В Москве шла эвакуация населения, особенно детей. По радио передавали, чтобы матери с детьми уезжали, а кто не может, детей будут вывозить одних. В одно из моих дежурств у телефона 15 или 16 октября из центрального штаба ПВО города Москвы была передана телефонограмма с рекомендацией эвакуироваться, в ней было указано направление и шоссе по которому можно уходить. Эту телефонограмму я передала в штаб ПВО МГУ.

По Москве поползли слухи о том, что немцы близко и что между ними и нашими войсками нет ничего, и наши отступают. В архиве жгли все документы, в том числе сгорели и личные дела студентов. Сейчас невозможно представить себе Москву осенью 41-го. Во всех домах окна занавешены и аклеены крест-накрест бумажными полосами. На улицах противотанковые «ежи». Чтобы немецкой авиации было труднее ориентироваться, наиболее заметные здания закамouflировали, а на Москве-реке были поставлены крыши, как будто это не река а улица. В Большой театр попала фугасная бомба.

И профессора, и студенты — все мужчины, кто мог ходить и держать ружье ушли в ополчение. Почти все они полегли в полях под Москвой. Но мы были уверены, что Москву не сдадут.

Все больницы были переполнены ранеными, госпитали размещались в школах. А мы с начала войны сдавали кровь каждый месяц: надо было спасать солдат. На пункте переливания крови у нас отбирали по 450 граммов.

(Сейчас ведь доноры сдают кровь не каждый месяц). Но зато получали рабочую карточку: 600 граммов хлеба. Студенты в то время получали хлеба по 400 граммов.

Уже позже, в Свердловске было и прямое переливание от меня к раненому. Сколько тогда взяли? Наверное, по норме... Но все-таки мы были голодные, и я тогда едва встала. П подруга мне тогда и говорит: «Я с тобой больше не пойду. Ты умрешь, а я за тебя отвечать потом буду!»

Зато мы получили пол-литра водки, полкило сахара да еще какао-велье грам-

мов 300. Какао-велье получается, когда какаобобы очищают, это измельченная кожура. Водку мы, конечно, на рынке продали и купили топленого молока — это было к Новому 1943-му году. Мы заварили это какао с топленым молоком, сладкое, с сахаром — это же роскошь во время войны! Война не война а жизнь есть жизнь. И вдруг мама моей подруги заплакала. «Тетя Настя, вы что? Так хорошо сидим!» А она говорит: «Девки, я ведь вашу кровь пью!» Но это было позже, в 1943-м.

Вот что рассказывает рядовой Сергей Кривцов. Все случившееся тогда он считает великим и истинным чудом.

«Дорога на Москву была открыта. Ставка назначила Командующим западным фронтом Г.К. Жукова. Однажды ему доложили: «На Можайском шоссе прорыв: идут немецкие колонны бронемашин, грузовики с солдатами и 54 танка. Прямым ходом на Москву!»

Зайдя в штаб Жуков, обратился к присутствующим. «Что будем делать? Бомбардировщики есть — бомб нет. Готовьте десант!»

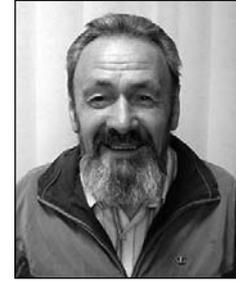
«Парашютов нет!» «Готовьте десант!» — повторил Жуков.

... Полк сибиряков был выстроен на летном поле. Вернее это были не сибиряки, а дальневосточники, принимавшие участие в боях на Халхин-Голе.

«Братя, — обратился Жуков к новоприбывшим. — Колонны немецких танков прорвались к Москве и скоро будут в столице. Нет никаких средств их остановить. Я не могу вам приказать пойти на такое, я прошу вас. Нужны только

*Александр Николаевич
Погодин*

**Я ДАЖЕ НЕ ЗНАЛ,
ЧТО ИДЕТ ВОЙНА**

Когда началась война, я был совсем маленьким. Я помню: когда мне было 2 года, во время воздушной тревоги меня запеленывали, чтобы я не брыкался, и с этим свертком

подмышкой шли в бомбоубежище. Помню, как клали меня на полку сантиметров 8-10 толщиной и шириной см 40. В головах у меня стояла коптилка, и я все время изворачивался, чтобы на нее смотреть. Рядом со мной всегда ставили самую большую ценность, знали, что рядом со мной ему ничего не будет: руки из пеленок я вынуть не смогу. Я даже помню рисунок этих блюдец: тоненькая золотая веточка с листиком и одна или две красных маленьких ягодки...

Когда бомба упала за железной дорогой у Перловки, был сильный взрыв. Рвануло прямо напротив нашего дома по улице Луначарского, дом № 8. Я испугался, я никогда не боялся: грохнуло — и грохнуло.

Помню, однажды, когда мне было года 3, взвывла сирена, а я гулял в саду. Я к воздушной тревоге относился равнодушно. Вдруг в сад влетает дядька в распахнутом пальто и шляпе, оглядывается со страхом вокруг и, увидев открытый парник, продирается напролом, через колючие кусты барбариса и падает прямо в парник — во всей амуниции!

Еще помню дирижабли воздушного заграждения — я сначала не понимал, что это такое. Потом мне объяснили, что так ловят вражеские самолеты. А потом, когда мне было уже около 7 лет, я попал с братом бабушки и его женой на платформу Яуза, где у них был огородик. Вдруг я увидел за кустами, за оградой из колючей проволоки: плывет что-то огромное. Оказалось, это идет аэростат воздушного заграждения. Я не понимал, почему он так близко от земли, поражали его размеры. Он был похож на кита, разделенный вдоль огромными полосами. Когда он стал проплывать мимо, я увидел, что его держат за веревки две девушки в военной форме. Помню радость от того, что наконец увидел вблизи то, что прежде видел только высоко в небе.

Помню духовые военные оркестры. Их было много. Такие оркестры были во всех войсковых и пожарных частях. По воскресеньям, а иногда и по будням они играли в парках. На лавочках сидели слушатели. Меня водили по вечерам, после работы на грядках в Сокольнический парк послушать духовой оркестр.

На «бреюшем» полете надо выбросить десант перед танковой колонной и остановить ее. Нужно будет прыгать без парашютов — их нет. Добровольцы, три шага вперед!

добровольцы. Вот в этих машинах собраны противотанковые ружья, гранаты и взрывчатка. Ставлю задачу, равной которой не было в истории войн — и, наверное, не будет. На «бреюшем» полете надо выбросить десант перед танковой колонной и остановить ее. Нужно будет прыгать без парашютов — их нет. Добровольцы, три шага вперед!» Кольхнула шеренга, и единым монолитом весь полк сделал три шага. Ни одного человека не осталось на месте.

«С Богом! Таких солдат нет ни в одной армии мира — и не будет». Жуков низко поклонился солдатам. В то время, когда последний самолет оторвался от земли, Жуков сжал иконку Казанской Божией Матери, которую носил с собой с самого начала войны, и прошептал слова молитвы. Потом, не страшась уж никого, уверенно перекрестился и тяжелой походкой направился к машине.

То, что произошло потом, действительно было чудом ратного подвига и духовной силы. Чудом Всевышнего заступничества и помощи.

Немецкая колонна двигалась по заснеженному полю к шоссе. Вдруг впереди появились низко летящие советские самолеты. Они словно собирались приземлиться, стлались над самой землей на высоте нескольких метров. Из самолетов, как гроздь, посыпались люди. Они тут же вступали в бой. Немцев охватил панический ужас. Они проиграли тот бой!»

В те дни враг пытался расширить стремительный танков прорыв, Но стали полки у Каширы, Сердцем столицу прикрыв...

В ожесточенных боях под Москвой погибли почти все курсанты Подольского училища, полегло ополчение. У меня на фронте сражались 5 двоюродных братьев трое родных дядей и муж.

Мой муж, Владимир Иванович воевал в рядах 21 дивизия Киевского района Москвы Назарочкин. Были очень большие потери в живой силе, и тогда командир дивизии обратился почти к командующему Западным фронтом Жукову за подкреплением и чтобы дали вооружение. Жуков ответил: «Оружие дам. А живой силы нет. Прикрывайте Москву... своими сердцами! Вот они и прикрывали. А позже они сложили гимн дивизии, в которых есть такие слова:

*В те дни враг пытался расширить
Стремительный танков прорыв,
Но стали полки у Каширы,
Сердцем столицу прикрыв...*

БЛАЖЕННЫ ЧИСТЫЕ СЕРДЦЕМ

Неумолимо течет время. Ветераны Великой Отечественной войны, труженики тыла достигли уже весьма преклонных лет. С каждым годом редуют их списки. Каждое свидетельство людей воевавших или прошедших голод, эвакуацию, все лишения, связанные с военным временем, драгоценны. Важны они для нас в первую очередь для того, чтобы всегда можно было понять, какой ценой досталась нам наша современная весьма благополучная и комфортная жизнь.

Но есть такие свидетельства, к которым прислушиваются редко. Это воспоминания тех, кто во время войны был ребенком. Каждый знает, сколь ценно детская память хранит детали, запахи, звуки. Именно детские воспоминания дают нам возможность вдохнуть тревожный воздух военных лет, понять, как и чем жили в те годы люди, оставшиеся в тылу. Дети — самые уязвимые и беззащитные люди на земле. Но враг не щадил никого — ни стариков, ни детей.

Навсегда запомнился мне человек без отчества. Он всегда, несмотря на вполне солидный возраст, отказывался называть свое отчество. «А у меня его нет!» — говорил он. Все его детство прошло в детских домах. Как-то мне удалось поговорить с ним о его детстве. И вдруг он рассказал о том сне, который периодически возвращается к нему, надолго лишая его покоя и сна. Он рассказывал так: «Снится мне всегда одно и то же. Желтое поле, колосья, яркое солнце. Мама бежит со мною на руках. Я цепляюсь за ее шею. Вдруг я падаю — вижу над головой желтые колосья и небо. Потом спасительные мамины руки тянутся ко мне, чтобы поднять... Я смотрю на них не отрываясь, надеясь, что сейчас увижу мамино лицо. И как только она наклоняется ко мне — сон всегда обрывается. На одном и том же месте. И ни разу я так и не разглядел ее лица. Потом я уже не могу спать, до утра хожу по комнате ...» Мальчик попал в детский дом. Говорит он еще не умел и не мог назвать себя. Тогда и дали ему имя Гена, а фамилию он получил от директора — Орлов. От отчества отказался: раз настоящее неизвестно, чужого не надо!

А вот еще несколько детских воспоминаний о Великой Отечественной войне.

Я был вторым ребенком, была еще сестренка 4 лет. Питались мы преимущественно разными кашами, были два маленьких ковшика. В ковшике побольше каша «У!» (так она называлась, потому что я часто протестовал, отказывался ее есть), в ковшике поменьше — каша «И!». Когда я отказывался от каши «У!», взрослые мне говорили: «Будешь мало есть — не вырастешь и будешь болеть». Помню, завтракали обедали на террасе. Обстановка была очень скромная. Хлеб был всегда черный, совершенно дикий: кислый ржаной хлеб. К его черной корке всегда прилипали руки. Там и полова, и что угодно могло быть. И обязательно под коркой дыра — видимо корку специально пережигали, почему — не знаю. Это были огромные буханки по 2-3 килограмма, они продавались вразвес-вразрез. Резали буханки специальными ножами-резаками, прикрепленными одним концом к прилавку.

Я был сладкоежка тот еще! Сахар у нас был, но не сказать, что в огромном количестве. Конфеты были такие: разноцветные «шарики», «подушечки», обсыпанные какао, и «калоши» — продолговатые такие карамельки с рисунком сеточкой. Если они не вразвес продавались, то были упакованы по 10 штучек в бумажные обертки.

В нашем саду было много цветов, кустарников цветущих — с ранней весны и до поздней осени всегда были цветы. Старожилы помнят этот сад и меня по нему узнают. Дедушка мой был большим любителем садоводства. Но к

Семейство Погодиных.

Самый маленький — Сашенька

тому времени он уже был в преклонных годах и сильно болел. В основном в саду работала мама. А отец зарабатывал в месяц столько, сколько стоил килограмм сливочного масла. Так что продажа этих цветов очень выручала. В войну почему-то очень вырос спрос на цветы. До войны такого не было.

А тут — то встречи, то проводы. На многие случаи жизни цветы подходили как нельзя лучше, поскольку такие вещи, которые можно подарить в торжественном случае, были малодоступными и очень дорогими.

Да и самое необходимое трудно было достать. Те же самые ботинки, галоши. Люди передавали друг другу, как

доехать до магазина, где что-то появлялось. Это нужно было ехать в Москву. А здесь, в Перловке, уже с вечера знали: в магазине что-то появилось. И с вечера выстраивались очереди — что в продовольственный, что в промтоварный магазин.

В магазинах была ржавая селедка (страшно пересоленная — на всякий случай, чтобы не загнила). Эту селедку бабушка отмачивала, и только на завтра можно было есть. Были бочки с подсолнечным маслом, которое наливали через воронку в принесенную тару специальной кружкой. А витрины были буквально сплошь заставлены банками с черной икрой и крабами! Цены на этот товар были абсолютно недоступными.

Зато вполне доступным был рынок, там можно было купить рыбу, любую дичь. Продавались рябчики, тетерева, глухари, фазаны. Рынок был как раз там, где сейчас стоит наша церковь. А там, где аптека, был одноэтажный продовольственный магазин. Потом надстроили второй этаж, промтоварный. Там были игрушки, и я там частенько пропадал, пока все не пересмотришь.

Настоящим праздником для нас было, когда отец взял нас в парк Горького где были выставлены трофейные орудия и самолеты.

Я был ребенком и даже не знал, что идет война, не знал, что погиб дядя Петр, брат отца, — единственный из всех детей получивший высшее образование.

Татьяна Аркадьевна
Касьянова

«БОЖЕНЬКА ВСЕ ВИДИТ!..»

Когда началась война, мне было только полтора годика. Отец с мамой работали на ММЗ. Отец не стремился быть военным, но участвовал во всех войнах. С первого

дня он ушел на войну. Их части стояли под Тулой, город Белев.

Мать работала целыми сутками, все время проводила на заводе. В детский садик меня не брали — рано, а яслей не было. Она меня приносила в профком. Помню стол, казенные стулья, пахнет кабинетом — мне очень не нравился этот запах. Сажала меня на стол к председателю профкома и говорила: «Я пошла работать, а ты сиди с моей дочерью, раз никуда не можешь ее определить».

Потом наняла няньку, но тут нам очень не повезло. Нянька нас обворовала и убежала. Мама писала в письмах отцу: «Не знаю, что делать со Светкой...» Меня раньше Светланой звали. Папа ответил: «Ну, присылай ее ко мне! Здесь тишина. Хозяйка согласна чтобы девочка жила у нас».

Их части были хорошо укреплены, и, хотя немец наступал, наши были уверены, что немец ни за что не пройдет. Все знали: не подпустим немцев к Москве даже близко.

Агриппина Ивановна и Танюшка

Военные квартировали в частных домах. Отец как командир жил один у пожилой женщины, Агриппины Ивановны. Ее муж и двое сыновей были на фронте. Мать меня туда отвезла. И ближе к осени я оказалась в доме у Агриппины Ивановны, на попечении отца. Вскоре хозяйка отвела меня в церковь, чтобы окрестить. Батюшка сказал: «Что это за имя — Светлана? Тебя как зовут?» Я робко

ответила «А-тана!» «О, Татьяна! Так и наречем!» Так я и стала Татьяной. Помню, что у Агриппины Ивановны в горнице висела икона, только не помню, какая. Мы с ней молились, она меня научила «Отче наш». Когда я стала взрослой, слова молитвы в какой-то момент всплыли из глубины детской памяти.

Агриппина Ивановна часто говорила: «Боженька, он все видит!» Бывало, сделаю что-то нездоровое, смотрю на Боженьку — и прячусь под кровать, боюсь, как бы не увидел.

Дом, в котором мы жили, был недалеко от железной дороги, по ней ходила электричка, короткая, всего в 3-4 вагона. За железнодорожным полотном был сарай с коровами. Летом после обеда их доили. Я брала кружечку и ходила туда за молоком.

До прихода немцев солдаты обедали на улице из походной кухни. Я всегда с ними ела перловую кашу из котелков. До сих пор помню ее вкус!.. Но не со всяким солдатом я садилась есть. Иной мне казался жадным, я к нему не шла, хотя и звал. Я, как все дети, хорошо чувствовала простых, открытых людей.

Когда начиналась стрельба, я бежала быстрее в дом с крыльчком. Вбегала на это крыльчко, там тепло пахло деревом, и я считала, что я уже в безопасности. Потом, уже во взрослой жизни я долго не могла понять, почему, когда я вижу в деревне дом с крыльчком, какая-то истома появляется в груди, почему меня так влечет к этим крыльчкам...

А немец-то свободно прошел почти до Москвы, везде была диверсия, наши оставляли позиции. Дошел враг и до Тулы, и до Белева. Получил приказ отступить и мой отец. Но они были очень хорошо укреплены. Он не подчинился приказу и со своим подразделением остался. (А остальные решили уйти).

И они приняли бой. Они несколько дней держали оборону, не пускали врага. Немцы даже не ожидали сопротивления. Но силы были неравны, пришлось нашим отступить. А немцы заняли эту деревню.

У немцев был приказ, чтобы к населению относились лояльно. Приходили немцы и в дом к Агриппине Ивановне. Я пряталась от них за огромной печкой. Я помню, что немцы меня очень любили, показывали фотографии своих детей и жен, приносили шоколад и говорили: «Мы ее заберем с собой в Германию». Тогда Агриппина Ивановна стала меня прятать от них в погреб.

А мой отец... Кто остался жив после отступления, пришли в регулярные части. Был трибунал, отца осудили за неподчинение приказу. Вместо расстрела его разжаловали в рядовые и отправили на передовую, в штрафбат. Штрафные батальоны первыми вступали в бой, принимали на себя первый удар. После каждого сражения отец оказывался в

госпитале по ранению. Но он был от природы крепкий, быстро оправлялся. До 1944 года он воевал, а потом был комиссован по инвалидности.

Помню, как мама за мной приехала. Она шла и думала: «Столько времени прошло — узнаю ли я девушку свою?» Агриппина Ивановна вышла со мной маму встречать, издалека ее увидела и сказала мне: «Беги ей навстречу!» А на мне платье из марли в несколько слоев: из своей одежды я выросла, и Агриппина Ивановна сшила мне одежду из тех тряпок, какие в доме нашлись.

Увезла меня мама в Перловку. Детский сад — построенный Перловым зеленым двухэтажный дом — находился рядом с тем местом, где теперь располагается наш храм. Водили меня на шестидневку. Агриппина Ивановна меня навещала несколько раз, но я почему-то была с ней неласкова.

Когда темнело, ни в одном доме не горел свет. И мы, дети, стояли около окон в темной комнате, смотрели в темное небо и видели, как прожектора ищут лучами вражеские самолеты. Они перекрещивались и вели самолет так, чтобы зенитчикам четко видна была цель.

И во время войны, и после нее мама работала сварщицей на заводе, она всегда была в числе лучших, ей поручали самую ответственную работу. Она зарабатывала столько, что я не ощущала послевоенного голода. Но знаю, что девочки по соседству жили очень скудно.

Отец. Фото накануне войны

Папа был много раз ранен, у него на руках и на теле остались такие ямы... Вспоминал, как его однажды раненого с поля боя забрали в плен. Но ему удалось из плена бежать. Он был награжден орденом Красной Звезды — а штрафники-то ведь особенно не награждали!

До пенсии он работал на ММЗ. Где-то в 70-х годах отца вызвали в Москву, в какую-то высокую инстанцию и сообщили, что тот приказ к отступлению осенью 1941 года был изменой. Похвалили: «Касьянов, ты молодец!» Но офицерское звание так и не вернули, а наградили отца самой высокой солдатской наградой — орденом Славы.

Юлий Андреевич
Морозов

Я СТАЛ В СЕМЬЕ ВМЕСТО ОТЦА

В июне 1941 года я был в гостях у бабушки в деревне во Владимирской области. В тот же день или на следующий день кто-то узнал и сказал, что началась война. Настроение у всех сразу изменилось: на всех нашел какой-то страх. Но было ощущение, что война закончится чуть ли не завтра, во всяком случае, что это не надолго. Мужики и бабы стали собираться сходки на завалинках. Стали клеивать окна бумажными крестами. Кляли Гитлера. Постепенно деревня стала пустеть: молодежь призывали в армию на фронт ушли все, кроме стариков и больных.

Когда я вернулся домой, отец уже ушел на фронт. Дома я застал младшего брата 2 года и пятилетнюю сестру. А мама ушла провожать отца на призывной пункт в райцентр в город Юрьев-Польский.

И я стал в семье вместо отца. В доме остался один «мужичок», на меня легли почти все заботы взрослого мужчины: дрова пилить с матерью, ухаживать за скотиной, за огородом, топить печь, готовить еду.

Боялись самолетов. Когда летели самолеты и слышен был гул, пытались узнать — немецкие или наши.

Был случай: приземлился на поле двухкрылый самолет «Аннушка», его еще называли «Кукурузник». Он совершил вынужденную посадку из-за плохой погоды: снег валил непроглядный. Потом он где-то с неделю пытался улететь: вся деревня собиралась смотреть, как летчики пытались завести машину.

Позже пришла помощь, такой же самолет, но и тот сразу не смог улететь: клюнул носом и развалился окончательно. Его потом по частям увезли в «пожарку». А другой позже улетел, но чуть не задел за провода.

А в 4 км от нашей местности упал бомбардировщик «Дуглас» — прочертил на поле большую полосу и разбился. Летчики погибли. Похоронили их на местном кладбище. Нашли их координаты — они были родом с Украины, — поставили им памятники. Родственники приезжали на могилу. Их могилы с памятниками стоят там и донныне. А к месту падения самолета мальчишки еще долго бегали за резинками и разными «безделушками».

Летом я пас коз, ходили в лес за грибами, ягодами, ловили рыбу в Нерли. Зимой катались на лыжах, ездили на высокие горы (лыжи делали сами), катались на коньках по замерзшей реке и пруду.

Ходил в школу, в 5 класс. Мама работала в нашей местной больнице, ездила за лекарствами. Младшие сидели дома и за ними присматривали или мать, или я — по очереди.

Хлеб был по карточкам. Когда его привозили — все бежали очередь за-

нимать. В очереди стояли долго. Хлеб отвешивали строго и отрезали талоны в карточках. На четверых мы получали 800 граммов, пытались растянуть на целый день.

Осенью ходили рыть картошку для колхоза: 10-я корзина — себе.

Из картошки и крахмала пекли лепешки, при нехватке хлеба они были хорошим подспорьем. Была скотина — коза куры. Весной на лугах рос щавель и разные съедобные травы: редиска турнепс. Когда снег таял, ходили за сморчками.

Рыбу ловили наметками: это треугольная сеть на шесте. Забрасывали в реку и вели по дну. Попадались и гольцы, и пескари, плотва, а иной раз и щурята.

С фронта приходили треугольнички с полевой почтой. Письма были короткие, написанные карандашом не очень четким почерком: «Здравствуйте... не

стороны и с другой «наши» и «не наши», бросались камешками. Бывало, и головы прошибали довольно серьезно. Мы все независимо от возраста готовились быть солдатами в этой войне. Во всех играх, и на рыбалке, и на лыжных прогулках мы всегда были вместе с моим одноклассником Юркой. Нас даже так и называли: Бобчинский и Добчинский. Уроки тоже учили вместе, но правда учились на тройки, слыхом много было других интересных дел.

Прилежно учили немецкий язык. Весь урок нужно было говорить по-немецки: ни одного русского слова. Старались, кто как мог, чтобы пригодилось на фронте.

Нас с Юркой оставили на второй год в 6 классе. Меня — за дееспричастия. До сих пор помню: «Пятак падал к ногам, звеня и подпрыгивая» — это было

Фото с одноклассниками. 1945 год. В первом ряду (лежит слева) Юлий Морозов

переживайте... у нас все хорошо... пусть сын помогает матери...» Я думал с надеждой: «Папа бы удивился и похвалил меня за то, что я сейчас делаю».

Отец мой служил рядовым в артиллерии, он прошел от Белоруссии до Кенигсберга, под Пиллау был ранен. Самолеты начали бомбить воинский эшелон, все разбежались кто куда. Его ранило в руку осколком.

Начали приходиться похороны, по деревне слышалось, как голосили бабы, на чем свет стоит проклинали Гитлера.

Помню сообщения Совинформбюро, которые мы слушали по радио: рупор висел на улице.

Возвращались с фронта раненые. Один вернулся с деревянным протезом вместо ноги. Иной раз в магазин приковыляет — мы смотрели на него и на эту деревяшку, прикрепленную к кульбе.

Сейчас я понимаю, что мальчишка в свои 10-12 лет переварить и взвесить весь трагизм и масштаб всенародного бедствия не может.

Мальчишки играли в войну: сторонка на сторонку, собирались армии с одной

в учебнике. Учительница сказала, что я не понимаю дееспричастий. Так наши одноклассники перешли в седьмой, а мы в шестом осели.

Когда объявили конец войны, весть разнеслась по поселку мгновенно. Появились улыбки: бабы ликовали, ходили по домам. Мальчишки радовались от души. До сих пор понуро опущенные головы стали подниматься.

Папа вернулся домой только в 1946-м, он продолжил войну в Японии. У него было 5 ранений, медали «За взятие Кенигсберга», «За отвагу», орден «Красной Звезды». Некоторое время он еще ходил в военной форме, в шинели, еще получал солдатский паек. Тогда я в первый раз я увидел поезд: мы с отцом поехали в Ярославль, ему нужно было отмечаться в комендатуре. Помню, как меня переполняла гордость: «Вот я с кем еду, с военным! Отец у меня военный!» было много военных отмечались в комендатуре. Вскоре папа устроился работать на завод, взял бразды правления домом в свои руки. И стали мы жить по-другому.

РОССИЯ СТОИТ НА СЕРЖАНТАХ ПАВЛОВЫХ

«Нам никогда не забыть сурового и грозного 1942 года. Четверть века назад здесь решалась судьба нашего Отечества... Наша клятва — за Волгой для нас земли нет — выражала решимость стоять насмерть, выражала всенародное стремление разгромить врага в Сталинграде...»

Я. Ф. Павлов.

«Пусть наши молитвы сольются в единый плач ко Господу, чтобы те, о ком мы молим, возродились духом за нашу любовь к ним...»

Архимандрит Кирилл (Павлов.)

Однажды мне довелось встретиться на Валааме с паломниками из Троице-Сергиевой лавры. Помянули в разговоре и старца, архимандрита Кирилла (Павлова). Кто-то спросил, тот ли это легендарный сержант Павлов из Сталинграда, или все разговоры об этом — обычная поэтическая выдумка, каких немало бродит среди православных.

— И так, и этак говорят... — ответил инок Сергей. — А сам старец Кирилл, по смирению своему, не отвечает на этот вопрос. Но, судя по всему, сержант Павлов — это он и есть.

— Он, конечно! — поддержал его пожилой монах. — Кто еще так против целой армии сумел бы дом оборонить? Только такому молитвеннику, как Кирилл, и возможно это...

Собеседники мои ошибались.

Хотя архимандрит Кирилл (Павлов) тоже сражался в Сталинграде в чине сержанта, но командиром пулеметного отделения 42-го гвардейского стрелкового полка 13-й гвардейской дивизии генерала Родимцева, 58 дней оборонявшим знаменитый Дом специалистов, был другой сталинградский сержант — Яков Федотович Павлов.

1

В прежние времена каждый школьник знал об этом Доме...

13 сентября немцы обрушились на центр Сталинграда. 13-й гвардейской дивизии генерала Родимцева чудом удалось приостановить рвущегося к Волге врага всего в нескольких сотнях метров от берега, на площади имени 9 Января.

Когда выдалась передышка, обратили внимание, что на нейтральной полосе остался темно-серый Дом специалистов. Время от времени оттуда доносились автоматные и пулеметные очереди.

Решено было послать разведку. Выбор пал на сержанта Якова Павлова. Вместе с ефрейтором В.С. Глущенко и рядовыми А.П. Александровым и Н.Я. Черноголовым бесстрашный сержант отправился к дому. Там, в подвале, где укрывались местные жители, разведчики встретились с санитаром Дмитрием Калининским и двумя ранеными солдатами. Немцев в доме тоже было пока немного. Перебираясь из одной квартиры в другую, с этажа на этаж, разведчики выбили фашистов.

Дом специалистов считался одним из самых престижных в Сталинграде. В нем жили руководители промышленных предприятий и партийные работники. От дома прямая дорога вела к Волге.

Как на ладони просматривались из дома и немецкие позиции. Оценив

обстановку, сержант Павлов решил, что уходить из этого дома нельзя.

Рано утром разведчики приняли первый удар врага. Почти два месяца, пятьдесят восемь дней штурмовали немцы Дом Павлова и так и не смогли взять его.

Это, конечно, чудо...

Германская армия, легко прошедшая многие тысячи километров, захватившая десятки стран, застряла перед обыкновенным четырехэтажным домом на сталинградской улице, но так и не сумела пройти последних метров, ведущих к Волге.

2

В те самые сентябрьские дни, когда всей мощью своих армий немцы навалились на Сталинград, защищал город на Волге и другой сержант — Иван Дмитриевич Павлов. Был он на два года моложе героического однофамильца, но боевой путь его оказался длиннее, потому что начался еще на Финской войне. И, как и Яков Федотович в Доме на площади 9 Января, Иван Дмитриевич тоже нашел свою судьбу в развалинах сталинградского дома.

Иван Дмитриевич поднял из груды кирпичей разбитую книгу, начал читать ее и почувствовал, как вспоминал он потом, «что-то такое родное, милое для души». Это было Евангелие.

Иван Дмитриевич собрал все его листочки вместе и больше уже не расставался с найденной Книгой. Так начался его путь к Богу.

«Когда я начал читать Евангелие, у меня просто глаза прозрели на все окружающее, на все события, — рассказывал потом он. — Я шел с Евангелием и не боялся. Никогда. Такое было воодушевление! Просто Господь был со мною рядом, и я ничего не боялся...»

Иван Дмитриевич дошел до Австрии, участвовал в боях на озере Балатон, а в 1946 году, когда его демобилизовали, из Венгрии приехал в Москву.

«В Елоховском соборе спрашиваю, нет ли у нас какого-нибудь духовного заведения. Есть, — говорят, — духовную семинарию открыли в Новодевичьем монастыре. Поехал туда прямо в военном обмундировании. Помню, проректор, отец Сергей Савинский, радушно встретил меня...» Так вчерашний сержант и стал семинаристом.

После окончания семинарии он учился в Московской Духовной академии и в 1953 году принял монашеский постриг.

Духовную академию в 1954 году заканчивал уже не Иван Дмитриевич Павлов, а иеромонах Кирилл.

Судьба сержанта Якова Федотовича Павлова совершенно другая, но — так странно! — все узловые точки ее по времени совпадают с узловыми событиями биографии будущего архимандрита.

В 1944 году Яков Федотович вступил в Коммунистическую партию. Победу он встретил в звании старшины, а 27 июня 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено звание Героя Советского Союза за подвиг, совершенный еще в Сталинграде.

После войны Яков Федотович окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС и работал в народном хозяйстве, трижды избирался депутатом Верховного Совета РСФСР, был награжден орденами Ленина и Октябрьской Революции.

В 1980 году он был удостоен звания «Почетный гражданин Волгограда». Умер Яков Федотович Павлов в 1981 году и похоронен в Новгороде.

Ну, а вся жизнь архимандрита Кирилла оказалась связанной с Троице-Сергиевой Лаврой. Архимандрит Кирилл стал духовником всей братии главного монастыря России. Именно старцу Кириллу исповедовались ныне покойные патриархи Алексей и Пимен. Сейчас он — духовник патриарха Алексия II.

Старец в Лавре почти не бывает — живет в Переделкине, в резиденции Святейшего Патриарха всея Руси Алексия II.

Про свое боевое прошлое старец предпочитает не говорить.

— Это осталось в той жизни, — отвечает он докучливым собеседникам.

Рассказывают, что однажды архимандрита Кирилла вызвали в военкомат Сергиева Посада и спросили, что сказать московскому начальству о защитнике Сталинграда Павлове.

— Скажите, что я умер... — ответил старец.

3

Я бы не стал объяснять путаницу, которая произошла с сержантами Павловыми в некоторых православных изданиях, одной только восторженностью православных авторов. Безусловно,

сыграла свою роль тут распространенность фамилии Павловых.

Мало кто знает, что только Героями Советского Союза в Сталинграде стали трое Павловых. Этого высокого звания были удостоены капитан Сергей Михайлович Павлов и гвардии старший сержант Дмитрий Иванович Павлов.

А сам сержант Яков Федотович Павлов, как мы уже отмечали, получил звание Героя за свой беспримерный подвиг в Сталинграде только после войны, когда он, наконец, вступил в Коммунистическую партию.

Можно отыскать и более глубокие корни этого соединения разных «сержантов Павловых» в одно целое. Сказалось долгое замалчивание роли Православной Церкви и миллионов православных людей в победе над оккультным рейхом. Ведь пока еще практически ничего не известно о том, что

Архимандрит Кирилл (Павлов)

когда фашистская Германия напала на СССР, православное духовенство, позабыв о прежних гонениях, встало на защиту Отечества.

Только в одном Сталинграде можно найти немало примеров этого. Священник Днепровский из Казанского собора ходил по осажденному городу и благословлял жителей и солдат на ратный труд. Священнослужитель Борис Васильев в битве на Волге командовал взводом разведчиков, а митрополит Калининский и Кашинский Алексей, тогда еще просто рядовой Алексей Коноплев, был пулеметчиком...

На самом же деле есть в этой истории и та непостижимая до конца мистическая сторона, которая не позволяет говорить о соединении в православном народном сознании Героя Советского Союза сержанта Я.Ф. Павлова и духовника Троице-Сергиевой лавры архимандрита Кирилла просто как об ошибке.

Впервые я задумался об этом, внимая проповеди, произнесенной архимандритом Кириллом.

«Приведем один пример достоверный, описанный святой мученицей III века Перпетуей, — говорил он. «Однажды, — пишет мученица, — в темнице во время общей молитвы я нечаянно произнесла имя моего умершего брата Динократа. Пораженная нечаянностью, начала я молиться и вздохать о нем пред Богом. В следующую ночь было мне видение. Вижу, будто из темного места выходит Динократ в сильном жару и измученный жаждою, нечистый видом и бледный; на лице у него рана, с которой он умер. Между мною и им была великая пропасть, так что мы не могли приблизиться друг к другу. Подле того места, где стоял Динократ, был полный водоем, край которого был гораздо выше, чем рост моего брата, и Динократ вытягивался, стараясь достать воды. Я жалела, что высота края препятствует моему брату напиться. Тотчас после этого я проснулась и познала, что мой брат в муках. Веруя, что молитва может помочь ему в страданиях, я дни и ночи молилась в темнице, с воплем и слезами, чтобы он был мне дарован. В тот день, в который мы оставались связанными в оковах, было мне новое явление: место, которое прежде я видела темным, стало светлым, и Динократ, чистый лицом и в прекрасной одежде, наслаждается прохладою. Где у него была рана, там вижу только след ее, а край водоема теперь был вышиною не более как по пояс отроку, и он мог без труда доставать оттуда воду. На краю стояла золотая чаша, полная воды; Динократ, подошедши, стал пить из нее, и вода не убавлялась. Тем видение кончилось. Тогда я уразумела, что он освободился от наказания».

Блаженный Августин в пояснение сего повествования говорит, что Динократ был просвещен святым крещением, но увлекся примером отца язычника и был нетверд в вере, и умер после некоторых, обыкновенных в его возрасте, грехопадений. За такую неверность святой вере он терпел страдания, но по молитвам святой сестры своей избавился от них.

Поэтому, дорогие мои, пока остается на земле воинствующая Церковь, пособиями ее участь умерших грешников еще может измениться на лучшее. Как много утешений для скорбного сердца, как много света для недоумевающего ума в христианстве! Лучи света льются из него и в мрачное царство мертвых».

Вдумываешься в слова этой проповеди архимандрита Кирилла, и как-то иначе видится история сержантов Павловых...

Не путаницу, а высокий небесный свет различаешь в ней.

Николай Коняев
Источник: «Русский дом»

Письмо к сыну

Мой дорогой мальчик!

Снова приблизился день Великой Победы.

Ты родился четверть века назад 9 Мая, в день, который для всего нашего народа стал великим праздником «со слезами на глазах». Когда ты родился, занималось утро, за окном свистел и щелкал соловей, и влажный воздух дышал весенней листвой.

Наступил ясный, солнечный день, и в окошко я смотрела на ветеранов, которые шли — еще не старые, статные, выпрямляя плечи под пиджаками, тяжелыми от орденов и медалей.

В нашей семье День Победы всегда был особенным праздником. Ведь Великая Отечественная война прошла своими кровавыми гусеницами и по нашим родным.

В первые дни войны погиб мой дедушка, мамин отец, капитан Сорокин. Их воздушно-десантная бригада в июне была переброшена с Дальнего Востока под Винницу. О его судьбе ничего не известно, только извещение пришло: «Пропал без вести». А вот жена капитана Максимова, который служил вместе с дедушкой, получила известие, что ее муж был изрублен немцами на куски.

Бабушка Саша отправилась в эвакуацию на Урал с двумя дочками — восьмилетней Тамарой (моей мамой) и трехлетней Наташей. 14 августа, прямо в эшелоне, она родила третью девочку, Валюшку, которой так и не суждено было увидеть своего отца.

Старший брат моего папы, Федор Лукич отправил последнее письмо родным в Краснодар 21 июня 1941 года. Он рассказывал, что успешно окончил танковое училище и отправляется на торжественное собрание по случаю выпуска. Он погиб летом 1941 года под городом Стрый.

Дедушка Лука Леонтьевич был горноспасателем. Именно ему выпала тяжелая задача — подрывать краснодонские шахты, как об этом написано в романе «Молодая гвардия». Старшая сестра моего папы тетя Дуся дружила с одной из тех, кто потом стали молодогвардейцами, — Валеи Борц. Другой прототип героя романа А. Фадеева, Сережа Тюленин был чуть старше моего папы, учился с ним в одной школе, старше на один класс.

Вся семья эвакуировалась из Краснодона в сибирский город Прокопьевск. Папа мой ходил в школу — и ста-

рался учиться так, чтобы родителям не было за него стыдно. Где-то там, за Уральским хребтом гремела война, а в Прокопьевске шестнадцатилетний подросток Шурка только и думал о том, чтобы попасть на фронт. Летом 44-го он с золотой медалью окончил школу и поступил в горный институт. Лука Леонтьевич сурово сказал ему: «Ты должен получить высшее образование!» Но проучившись ровно месяц, до октября, папа забрал документы и пришел

Так уж, видно Господь судил, что каждый твой День рождения, сынок, начинается с того, что мы с тобой идешь на панихиду. Это поминовение воинов за веру, Отечество и народ жизнь свою положивших, и всех страдальчески погибших в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, для нас — неотъемлемая часть того чудесного праздника, которым мы отмечаем с тобой начало твоей земной жизни. Это дань любви всем тем, чья кровь течет в наших

в военкомат: в те годы призыву подлежали граждане, достигшие 17-ти лет. Наступила зима 45-го. Война катилась по Европе, сметая фашистские полчища туда, откуда пришли. А семнадцатилетние солдатики сидели в учебных окопах и в сорокаградусный сибирский мороз учились точно метать гранаты и стрелять без промаха. Готовились в любой момент отправиться на фронт. Но этих мальчишек берегли, война закончилась без их участия.

Вот так армия и стала для твоего дедушки Саши профессией на всю жизнь.

Только тогда, когда он принес Луке Леонтьевичу диплом и золотую медаль после окончания высшего военного училища, отец его простил!

жилах, не давая забывать, заставляя быть высокими и чистыми, чтобы там, в теперешней их вечной жизни им было покойно, радостно и не стыдно за нас.

Мы живем с тобой на этой земле, зная, что оттуда, с небесной высоты, отзываются на наши молитвы те, кто достойно и честно прошли через нечеловеческие испытания, обрушившиеся на нашу страну. Это очень трудно — жить так, чтобы вся жизнь была данью благодарности им и всем тем, кто выстоял, не струсил, подарив нам возможность дышать, радоваться, трудиться, надеяться, любить.

Но как бы трудно это не было, всегда оставайся таким — высоким и чистым.

С Днем рождения, сынок!

Твоя мама

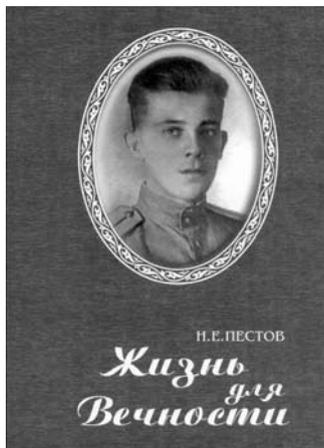

КНИГА О СЫНЕ

Н.Е. Пестов.

Жизнь для вечности.

М. 2006.

Вышла в свет повесть известного духовного писателя и богослова Н.Е. Пестова о его сыне. 19-летний воин Николай погиб в бою с немецко-фашистскими оккупантами летом 1943 года, в самый разгар Великой Отечественной войны. Несмотря на свою молодость Николай Пестов был удивительно зрелой личностью, и основанием его зрелости была православная вера, которая была с ним с раннего детства.

В книге рассказывается о том, как рос и воспитывался Колюша, как он вырос и мужал. Предлагаем вниманию читателей отрывок из главы «Последние дни на фронте».

РАССКАЗ

ЛЮДИ КАК ЛЮДИ

К счастью, я не знаю войны, как знают ее мои родители, как знали бабушки и дедушки. Я видела то, что мне показывали в фильмах, читала книги, статьи, мемуары, сводки... Я знала, что фашисты — враги, жестокие и страшные. Мне казалось невероятным, что человек, обычный, нормальный человек может вытворять такое, о чем снято и написано множество фильмов и книг. Фашисты не имеют национальности, они — нелюди. Конечно, иначе и быть не может...

Мой отец родился перед самой войной, и мальчишкой жил в оккупации с дедом и бабкой. В поселке стояли итальянцы, те самые союзники Гитлера, то есть фашисты итальянские. Отец рассказывал по крестьянским домам. Отец рассказывал, как у них квартировал пожилой солдат. Он часто приносил из полевой кухни булки и угощал пацанов; заперся с ними в сарае,

«В письме от 25 августа Коля пишет: «Вчера мы сели на машины и поехали к передовой. Остановились в трех километрах от линии фронта. Сегодня мне дали взвод и оружие...»

Кажется, завтра идем в наступление. Никогда не думал, что к бою так тщательно готовится командование, как это сегодня сделали мы. Дали карту и пр. Еще дали автомат (мне лично). Думаю, что в бою не растеряюсь».

Затем пришло письмо от неизвестного нам командира П.А. Драги, который описывал свою встречу в Колюшей. Он писал:

«Приношу искреннее извинение за то, что, будучи совершенно неизвестным Вам, я решаюсь писать, но полагаю, что мое письмо будет представлять для Вас интерес, поскольку оно имеет прямое отношение к Вашему сыну. Вчерашний день был вторым днем, когда Ваш сын участвовал в бою. Познакомился я с ним при весьма тяжелых и вместе с тем интересных обстоятельствах. ...В тот день он проявил исключительное мужество, решимость и настойчивость, спасая своего командира роты, раненного в этом бою».

Это письмо, естественно, сильно взволновало нас и заставило много перечувствовать. Наш мальчик, наш Колюша, уже перестал быть более мальчишкой. Незнакомый капитан рисовал его как взрослого мужа, который не растерялся перед лицом смерти... Мы знали сердце Коли, и не было удивительно, что его мужество проявилось именно в спасении жизни това-

рища. Было совершенно очевидно, что встреча с Колюшей произвела на незнакомого нам капитана сильное впечатление, если он счел нужным написать нам, и написать в таких сильных выражениях.

Я хорошо помню мое последнее письмо к Коле. Я... поздравлял его как выдержавшего самый трудный экзамен в жизни — сохранение мужества и чело-веклобия перед лицом смерти. Я писал ему, что он сумел разбогатеть за один день или, может быть, за несколько часов так, как другие не смогут это сделать за всю жизнь. И это его новое богатство — не обычное земное, которое так легко теряется и губит души, а истинное, вечное духовное богатство, создаваемое подвигами милосердия и самопожертвования. Это богатство украшает духовную одежду человека, и владельцам его в том мире будут оказывать честь святые и ангелы.

А сердце, сердце болело от тревоги за любимого, хотя я тогда еще не знал, что мое письмо оно будет читать уже из другого мира и что его душа сбросила уже с себя свою земную оболочку и, может быть, в эти моменты невидимо снова присутствовала среди нас...»

Повесть «Жизнь для вечности» написана точным и чистым русским языком. Она помогает читателю не только понять смысл духовного православного воспитания в семье, но и увидеть, как рос на глазах родных настоящий воин Христов, который до последней минуты своей земной жизни нес ответственность перед Богом и людьми.

доставал газетную вырезку с портретом Муссолини и целился в нее из автомата. «Та-та-та!» — изображал он автоматную очередь. «Синьора, — обращался он к отцовской бабушке, — я — рабочий, — он растопыривал пальцы ладони, — у меня пятеро детей! Война — плохо!»

Родители моего отца ушли на фронт, как только началась война. Его отец погиб под Ленинградом в 43 году. Он командовал разведротой, и в одной из вылазок, когда разведчик сидя на дереве, наблюдал за вражескими укреплениями, его снял немецкий снайпер. Видимо заметил блеск от окуляров бинокля.

Мать служила в войсках связи. Как-то я попросила ее рассказать о войне.

— А нечего рассказывать, — поморщившись, ответила она.

— Ну, разве вы не совершали героических поступков? — не унималась я, уверенная по своей детской наивности, что наши солдаты и офицеры все как один

совершали героические поступки и сегодня просто обязаны нам — подрастающему поколению о них рассказывать.

Откуда мне было знать тогда, что настоящие ветераны не любят говорить о той крови и грязи, что были на войне. Не понимают, почему из них делают героев, хотя каждый из них просто честно выполнял свой долг, свою тяжелую ратную работу. Потому что кроме них некому, потому что под ногами родная земля, потому что гибнут близкие, родные люди, товарищи, мужья, жены, возлюбленные и любимые. Потому что всюду — смерть и ад. И надо жить, надо выжить и победить.

Она выжила. После гибели мужа познакомилась с военным летчиком, вышла замуж, родила дочь...

Отец рассказывает о том, какая красивая она была. Вернулась с войны, ладная, стройная, форма на ней, как влитая; ремень офицерский в талии затянет,

соберет пацанов со всей улицы и уведет в овраг; она там устроила стрельбище. У нее пистолет наградной, она по бутылкам палила, а мальчишки, открыв рты, смотрели.

Мужчин в поселке почти не осталось. На всю улицу один вернулся, да и тот без ноги. Его сразу в милицию пригласили на работу, мотоцикл с коляской выделили. Так этого безногого участкового боялись и уважали во всем районе; он мог остановить любую драку, не сходя со своего мотоцикла.

Воображение отца потряс протез участкового: огромная розовая нога в нарисованном ботинке. Нога стояла почему-то на самом видном месте, в большой комнате, рядом с радио-приемником; он надевал ее только на работу, прилаживая к культе специальными ремнями. Свою родную ногу участковый потерял во время артобстрела высотки, на которой залегла его рота. Стреляли свои же, не знали, что наши части так далеко продвинулись. Бывшего фронтовика из-за этого никогда не приглашали в школу, боялись, что он лишнее скажет. Только все и так все знали.

Мама появилась на свет уже во время войны, она родилась в поезде связи. Дело в том, что ее отец был начальником этого поезда, а мама — телефонисткой. Поезд шел за фронтом и восстанавливал разрушенную связь, и так — всю войну.

Однажды мой будущий дедушка где-то на станции выскочил за кипятком, для жены. Никто не знал толком, когда эшелон пойдет, пришлось рискнуть. Начальник поезда в майке, галифе и тапочках на босу ногу, пролез под составами и бегом побежал к вокзалу. Когда он набрал воды и возвращался обратно, его состав тронулся; дед его видит, а пройти не может, перед ним эшелон тоже пошел. Бегаёт он с чайником, вдоль рельсов и кричит. Так и ушел поезд. Дед, без документов и денег, можно сказать — голый, хоть караул кричи. Хорошо, военный комендант оказался порядочным человеком, приказал, чтоб телеграмму отбили, и дед свой состав на машине догнал, военные подбросили, всю дорогу смеялись над чайником, дед его так и не бросил.

— Хорош начальник эшелона! — говорили.

Шутки шутками, а не попадись деду такой порядочный комендант, посади-

ли бы, а то и того хуже. Время военное.

Мамин дядька — Ефим, перед войной собирался поступать в институт, хотел стать математиком. Прошел всю войну и вернулся живым, но война оставила в нем память о себе — множество ранений и осколков. Эта память и убила Ефима, не дала ни семьи, ни любимого дела, ничего. Едва успел сестрам поставить дом...

Я смутно помню его: все сидел на крыльце, на солнышке, закроев глаза и улыбается.

— Дедушка, чему ты улыбаешься?

— Тишина, — отвечал он.

— Дуся, — обратился дед к жене, — это врач, он поможет.

Немец склонился над ребенком, откинул простыню, прислушался и поднял дрожащее тельце:

— Фрау, вода! Очень горяч, кипяток!

Бабушка поняла и заметалась по дому.

— Ванна!

Дед притащил детскую оцинкованную ванночку.

— Лей!

Обжигаясь и не чувствуя тяжести бабушка фуганула ведро крутого кипятка в детское корыто. Немец, стоявший все это время рядом с ребенком на руках, неожиданно кинул девочку в самый кипяток; бабушка только крикнуть успела, как он подхватил ребенка на руки и, раз, опустил второй раз, потом третий! Девочка закричала, за ней мать. Ребенок дышал, судороги прекратились. Только теперь дед заплакал.

Немец уложил девочку, укрыв и улыбнулся.

— Карош, фрау, будет жить.

Ох, и напоили же его!

Потом немец благополучно отбыл в свою Германию, подарив перед отъездом деду огромную белую раковину,

рогатую снаружи и с нежным розовым перламутром внутри. Раковина была тяжелой и таинственно-прекрасной, потому что в ее недрах не замолкая шумел древний океан.

— Ей миллион лет! — Хвастал дедушка.

Странно, но факт — раковина разбилась после дедовой смерти.

Их нет уже никого: ни красавицы папиной мамы, ни деда, ни пожилого итальянца, ни немецкого врача, ушел Ефим, погиб отец моего отца от пули, выпущенной таким же, как и он солдатом, который, возможно, тоже погиб, оставив сына или дочь сиротами...

Моей тетке, вылеченной пленным немецким врачом теперь седьмой десяток, ее сыну под сорок.

А я все думаю: кто развязывает войны? Кто заставляет нормальных, вроде бы, людей стрелять друг в друга? Кому интересны кровь, слезы, боль и смерть миллионов и миллионов — отцов, матерей, детей, друзей, близких и далеких?

Где и кто он? Если все мы, на поверку, нормальные, вроде бы, люди?

*Ирина Щеглова
Мытищи, 2007*

Учредитель и издатель:

Донская церковь
г. Мытищи (поселок Перловский)
Московской епархии
Русской Православной
Церкви

Дорогие братья и сестры!

На страницах газеты, которую Вы держите в руках, содержатся священные имена, названия и изображения. **Просим Вас не использовать ее в хозяйственных целях.** Если она стала Вам не нужна, то отдайте ее тем, кому она может быть интересна или принесите в храм.

Редакция газеты «Донская Слобода»
будет рада любой форме сотрудничества.

Ваши предложения, замечания, статьи
присылайте по адресу: **Московская обл.,
г. Мытищи, ул. Селезнева, д. 32.
Тел: 582-96-70**

Редакция:

Главный редактор:
священник Александр Краля
Ответственный редактор:
Марина Журбенко
Верстка:
Михаил Алимпиев